

М. Фрутин

**В ЛЕСНОЙ
ИЗБУШКЕ**

М. Фрутин

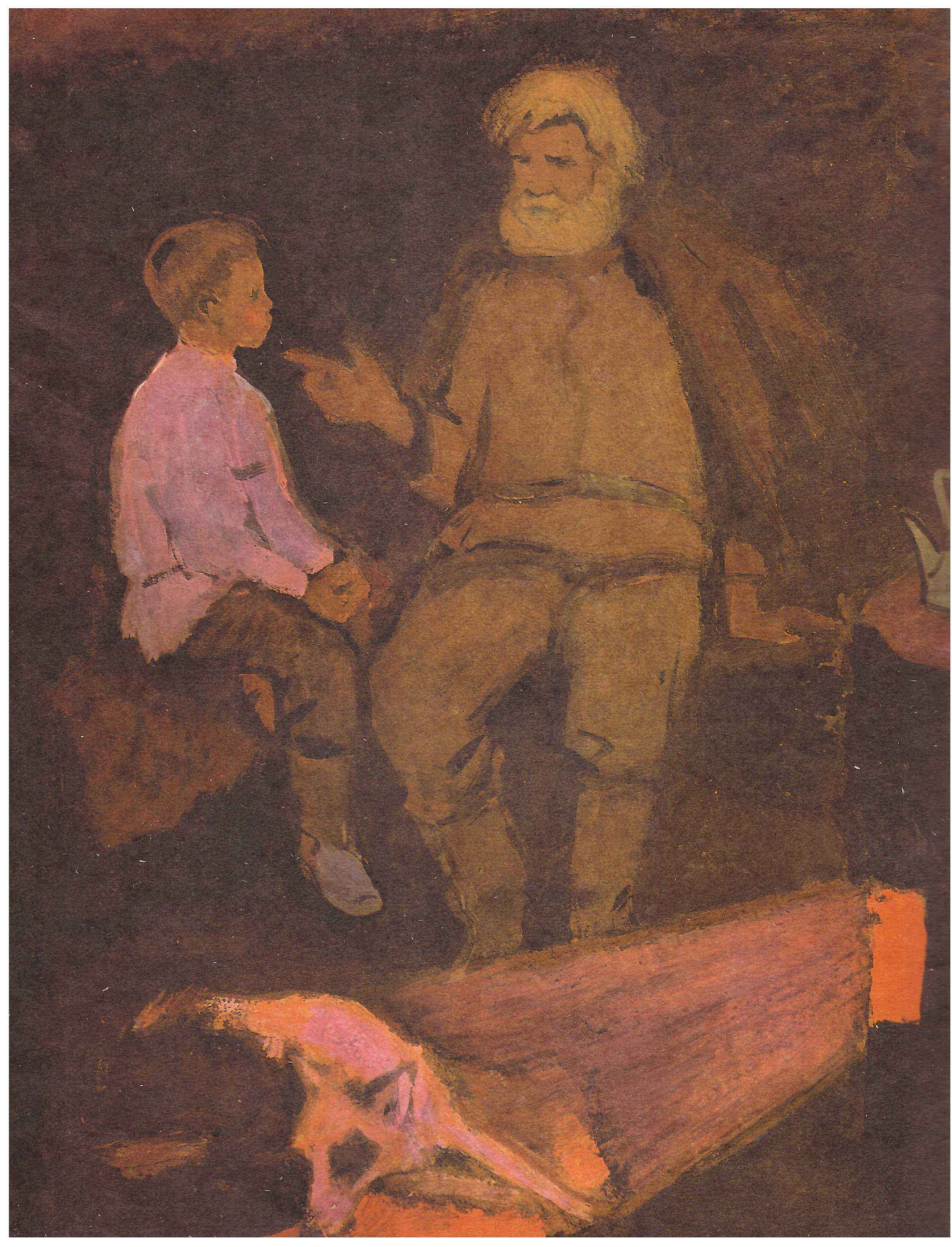
В ЛЕСНОЙ ИЗБУШКЕ

СКАЗКИ

Рисовал Г. Никольский

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1976

Густым малинником заросла лесная избушка. Односкатная дощатая крыша одета седым мхом. Кто и когда построил эту избушку, не помнит даже дедушка Макар. Стоит она наклонившись набок, перекошенная дверь жалобно скрипит на ветру. Рядом стонет надломленная сосна. Страшно ночью в глухой тайге.

— Дедушка, расскажи сказку, — просит Игнатка.

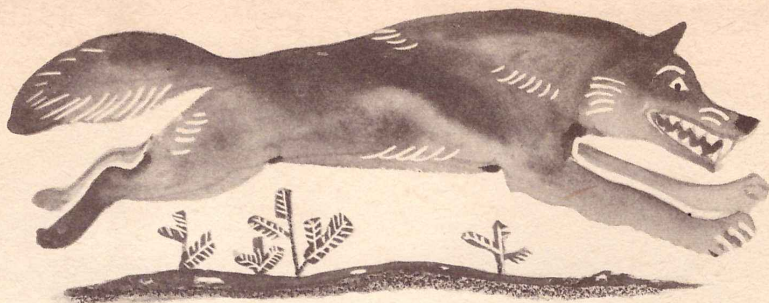
— Какую же тебе сказку рассказать? В лесу я родился, травами лечился, слаще редьки ничего не едал, ничего и не знаю, — смеется дед.

— А про то, как птицы и звери разговоры ведут, про цветы, про травы. Расскажи, дедушка.

— Ишь ты, какую сказку захотел! Такую можно. Таких сказок у меня целый короб накопился. Про заячьи слезы я тебе, Игнатушка; сказывал?

— Не помню, дедушка.

— Тогда слушай да не перебивай.

ЗАЯЧЬИ СЛЕЗЫ

В лесу, недалече от нашей деревни, жил зайчишка. Жил себе — не тужил, горя не знал. Охотники его не стреляли, от собак удирал. Летом зайчишка щеголял в серой шубке, на зиму переодевался в белую. Днем в своем домике лежал под густым кустом можжевельника, а ночью скакал по полям и огородам. Где капуста поест, где овса, а как светать станет — опять в свой домик убежит.

Прошло так года два, а может и больше, как вдруг узнал об этом зайчике волк.

— Съем, — говорит волк, — я этого зайчонка, — и щелкнул зубами, блеснул зелеными глазами.

Всю ночь гонялся волчище за зайцем. Несколько раз чуть-чуть было не попался зайчишка в волчью пасть. Хорошо, что ночь кончилась, а то бы не быть ему живому.

Устал заяц. Еле добрался до своего дома. Спать бы лечь, да боится: а ну как волк придет! Сел зайчишка у домика и горько-горько заплакал. Плачет, слезы лапками вытирает. А тут ворон летел. Увидел плачущего зайца и спрашивает:

— О чем, бесхвостый, плачешь?

Рассказал заяц ворону о волке и еще сильнее заплакал.

— Ну и что ты, косоглазый, думаешь делать?

— Вот отдохну немного, — отвечает зайчишка, — и поскачу на Дальний Восток, туда, где солнышко восходит. Там, говорят, есть корень женьшень, который силы прибавляет. Погрызу этого корня и стану таким сильным и быстрым, что и волк мне не будет страшен.

Услышав эти слова, ворон так расхохотался, что чуть не свалился с дерева. А насмеявшись, сказал:

— Эх, лопоухий ты, лопоухий! До Дальнего Востока тебе надо бежать двадцать дней и двадцать ночей, а может быть, и того более. А по дороге столько волков встретишь, что обязательно попадешь им в зубы. Да и зачем тебе за женьшенем в такую даль бежать? Ведь у нас здесь, на Севере, есть свой женьшень.

— Свой женьшень?

— Свой, — отвечает ворон.

— И силы прибавляет?

— Прибавляет.

— Так помоги мне найти наш женьшень, — просит заяц.

— Да его и искать-то нечего — вот он, рядом с тобой стоит. — И ворон указал на торчащий из-под снега дягиль.

— Так это же дягиль, — удивился заяц.

— Верно, — отвечает ворон. — Корень дягиля, как и корень женьшеня, придает силы тому, кто поест его.

Заяц так обрадовался, что даже забыл поблагодарить ворона за добрый совет. Разгреб он снег, разрыл лапами землю, нашел корень дягиля, погрыз, и прибавилось у него силы. С тех пор зайцу не страшен волк. Бегает он теперь куда быстрее волка. Может бежать хоть всю ночь напролет, хоть две. И вот, когда ты видишь, как летит ворон над лесом и кричит „крл, крл“, — это он зайца приметил и спрашивает: „Жив, здоров, бесхвостый?“ А заяц встает на задние лапы и отвечает ворону по-своему, по-заячьи: „Жив, жив, спасибо тебе, ворон“.

— Ну, как, Игнатка, — спрашивает дед, — понравилась тебе сказка?

— Очень понравилась, — отвечает Игнатка, — расскажи еще, дедушка.

— А спать не пора? Дома-то, наверно, все наши спят.

— Нет, еще рано.

— Ну ладно, слушай. Расскажу я тебе сказку про кукушкин лен.

КУКУШКИН ЛЕН

Порешили как-то кукушка и перепел вместе жить. Очень понравилась перепелу кукушка — уж такая красивая да голосистая!

Перепел все время работает — то гнездышко вьет, то зерна собирает. Что ни скажет кукушка перепелу, все он для нее сделает. И напоит ее и накормит. А кукушка сядет на дерево, оправит клювом перья и начнет петь: „Ку-ку, ку-ку... ку-ку“.

Только к вечеру перепел подбежит к тому дереву, где сидит кукушка, и спросит: „Подь-полоть? Подь-полоть?“ Это значит: „Что еще? Что еще?“

— Вот что, — отвечает однажды кукушка. — Я хочу быть самой нарядной птицей. Посей-ка ты, перепел, лен да натки полотна, а из полотна сшей мне платье.

— Хорошо, — говорит перепел, — я посею лен, натку полотна и сошью тебе платье.

Бегает перепел по полям и лесным опушкам и сеет лен. Лен вырос хороший, с золотыми стебельками и шелковыми желтыми головками.

Осенью собрал перепел лен, наткал полотна и сшил платье.

А кукушка к этому времени уже улетела в теплые края. Бегает перепел по полю с кукушкиным платьем и кричит: „Подь-полоть, подь-полоть“, — это значит: „Лен собрал, платье сшил, лен собрал, платье сшил“. И так

каждую осень, пока ткёт перепел полотно да шьёт платье, кукушка улетает в теплые края. А перепел бегаёт по полям, до поздней осени ищет кукушку да кричит:

Лен собрал, платье сшил.

Лен собрал, платье сшил.

— Это тот, дедушка, лен, что в нашем поле растёт?

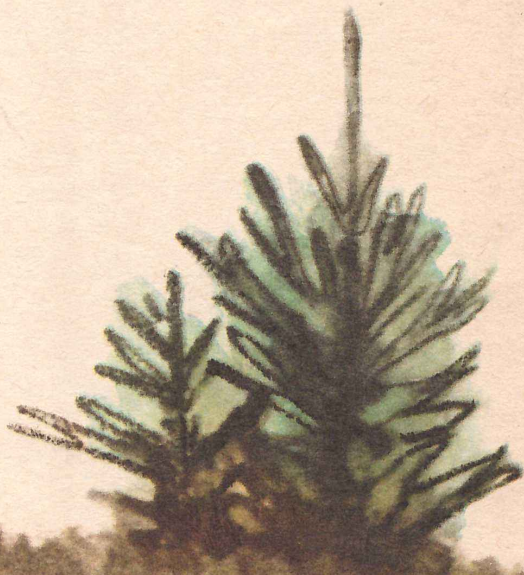
— Тот, тот. Потому и называется он кукушкиным льном, что для кукушки посеян был...

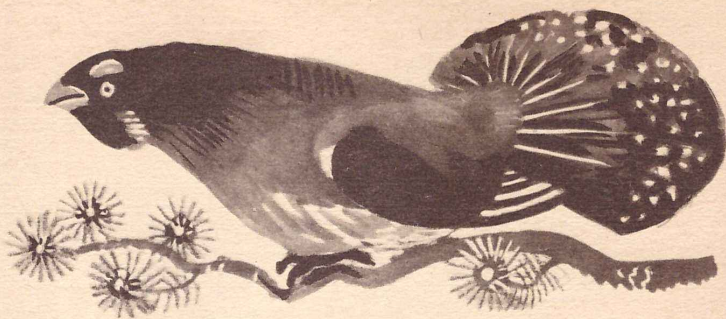
— Дедушка, а ты не забыл сказку, как птицы соловья лечили?

— Так я тебе об этом сказывал не так давно.

— Расскажи ещё разок, я очень люблю эту сказку.

— Ну, коли любишь, расскажу.

КАЛИНА И СОЛОВЕЙ

Весной это было. Пел, пел соловей, да вдруг умолк. День не поет, два не поет. Забеспокоились лесные птицы. — Что с соловьем? Где соловей? — спрашивают они друг друга.

Разыскали сороку.

— Сорока-белобока, ты весь день с дерева на дерево летаешь, что в лесу делается — все знаешь. Не видала ли ты соловья, почему он не поет?

— Сама удивляюсь, — отвечает сорока. — Не съел ли его филин.

Полетели птицы к филину, вытащили его из дупла.

— Сказывай, лесной разбойник, где соловей?

Испугался филин, дрожит.

— Не знаю, — говорит, — не знаю. И слыхом не слыхал и видом не видал.

Не унимаются птицы:

— Ты по ночам шатаешься, должен знать.

Подскочила сорока, клюнула филина в голову.

— Съел, наверно, лупоглазый, соловья. Говори, а то сейчас разорвем тебя на мелкие кусочки!

Понял филин, что дело плохо. Не одна, не две птицы прилетели к нему, — может, сто, а то и более — по голосам догадался филин (днем-то он ничего не видит, а слышать-то слышит хорошо).

— Не виновен я, дорогие друзья, — взмолился ночной разбойник и показал птицам свое перебитое крыло. — Вот неделю как не вылетаю из дупла.

Поверили птицы филину и полетели дальше. Долго они искали соловья и наконец увидели его. Сидит соловушка на ольховой ветке, нахохлился и голову под крыло спрятал.

— Что с тобой, соловушка, что с тобой, соловушка? — забеспокоились птицы. — Почему песен твоих не слышим уж который день?

— Страшное горе приключилось у меня, — еле слышно проговорил соловей, — три дня у меня глаза болели, а на четвертый день я видеть перестал. — Сказал это соловушка и заплакал.

— Что, что? Как, как? — защебетали птицы.

— К доктору, скорей к доктору!

Два скворца осторожно взяли клювами больного соловья за крылышки и полетели с ним в лесную глушь к птичьему доктору. А доктором у птиц глухарь считается — самая древняя и мудрая птица.

Выслушал глухарь рассказ о птичьем горе, надел очки, повел красными бровями сначала в одну сторону, потом в другую и приступил к делу.

Птицы расселись по деревьям, притихли.

Долго осматривал доктор больного, а потом снял очки, погладил соловья по головке своей шершавой лапой, прокрипел:

— Не горюй, дружок, вылечим.

Птицы облегченно вздохнули, радостно захлопали крыльями.

— Кормите, — сказал глухарь птицам, — больного цветами калины да поите росой с заячьей капусты, и болезнь пройдет.

— Спасибо, спасибо, доктор, — защебетали птицы и понесли соловья на калиновый куст.

Птицы делали все так, как велел доктор: кормили соловья цветами калины, поили росой с заячьей капустой.

Через несколько дней у соловья открылся один глаз, а потом и другой.

Обрадовался соловей и так запел, как не пел еще никогда. Его песня звенела на весь лес и веселила и птиц, и зверей, и душу человека.

С тех пор каждую весну, когда соловей возвращается из теплых стран, он садится на куст калины и поет свою первую песню. И осенью, собравшись в дальнюю путь-дорогу, к теплу, соловей снова прилетает к кусту калины, лакомится ее красными ягодами.

Недаром в народе поется:

На калине соловей-птица сидит,
Горьку ягоду калину кушает.

— Дедушка, а соловей совсем-совсем вылечился? — спрашивает Игнатка.

— Совсем.

— И все птицы теперь калиновыми цветами да росой с заячьей капусты лечатся?

— Это уж что кому доктор глухарь пропишет, тем и лечатся.

Дедушка зевнул.

— Засиделись мы с тобой, Игнатка, до полночи, гляди, луна-то выше лесу поднялась. Давай-ка спать. Лучше завтра пораньше встанем да на Широкую за глухарями пойдем.

— Дедушка, расскажи еще хоть одну маленькую сказочку, а потом и спать, — упрашивает Игнатка.

— Ну, разве что маленькую.

Дед укрыл внука своим пиджаком, пошевелил веткой жаркие угли в печке, прикрыл дверь. Взглянул на Игнатку, а тот уже спит: устал за день.

Соболь — охотничья собака — улегся в ногах у Игнатки, закрыл глаза и насторожил уши.

За избушкой тихо шумела густая тайга: ши-ши-ши... да стонала надломленная сосна: скри-а... скри-а... Где-то жалобно по-кошачьи мяукал филин.

Путь на Широкую намного труднее, чем к лесной избушке: ни дорог, ни тропинок. Вокруг — чащоба, бурелом и высокая, по пояс, трава.

Дед Макар идет не спеша, да уверенно. Игнатка приустал: слабоват еще, сноровки мало. Нет-нет, споткнется и упадет, покраснеет со стыда. А дед спрячет в усы улыбку, спросит:

— Что, Игнатка, иль нашел что-нибудь?

— За корень запнулся, — виновато признается внук.

— А я думал, ты гриб-боровик углядел...

Вдруг Соболь насторожился и шмыг под выворот сваленной бурей сосны.

— Старая медвежья берлога, не иначе, — сказал дед и остановился.

С одной стороны берлогу защищали корни вывернутой сосны, с другой — густая вершина сломанной ели, сверху — толстый ствол дерева.

— Вот он какой — медвежий-то домик, видал, Игнатка?

— Нет, дедушка, не видал, — испуганно прижался к деду внук.

— Ну, тогда погляди, не бойся, — медведь летом в своей берлоге не живет.

Соболь, как бы желая показать, что в берлоге никого нет, еще раз шмыгнул в нее, все обнюхал, вылез, лизнул Игнатке руку. После этого Игнатка расхрабрился, на четвереньках влез в медвежий домик и лег в нем, высунувши наружу голову.

— Дедушка, а здесь хорошо.

— Еще бы худо! — отвечает дед.

— Только скучно здесь медведю одному целую зиму лежать, правда?

— А чего ему скучно? Медведю зима — одна ночь, как в сказке говорится.

— Дедушка, расскажи эту сказку.

— Нашел время для сказок! Придем на Широкую, тогда и расскажу.

Не терпится Игнатке.

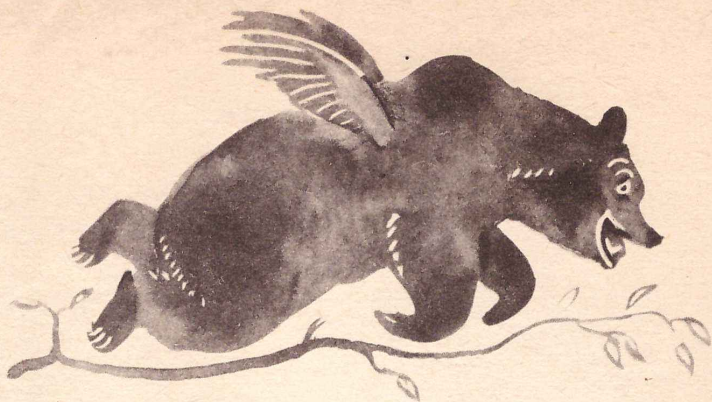
— Дедушка, пока отдыхаешь, расскажи.

Снял дед пестерь¹, сел на ствол сосны, потрепал внука по голове.

— Ишь ты какой у меня настойчивый...

¹Пестерь — заплечная берестяная корзинка.

МЕДВЕДЮ ЗИМА — ОДНА НОЧЬ

Когда спали с деревьев листья, когда осыпалась с кустов переспевшая черника, когда по утрам пожелтевшие лесные травы стали покрываться крупными каплями холодной росы, медведю захотелось спать. В густой чаще под выворотом сваленной ветром сосны сделал медведь себе берлогу — натаскал сюда сухих листьев, мху, с севера елочку густую приладил, чтобы ветром не дуло, вход тоже сучьями прикрыл. И завалился в свой домик спать.

Спит он день, спит два, не просыпается; неделя проходит, потом вторая, а медведь все спит и спит...

Минула осень, зиму весна сменила, а в середине апреля приснилось медведю, что он нашел улей. Хотел соты взять, да не тут-то было: тысячи пчел напали на мишку — и в глаза, и в уши, и в нос его жалят. Заревел медведь от боли и проснулся.

Проснулся, вылез из берлоги, протер лапищей глаза, зевнул, огляделся кругом и глазам своим не поверил. На солнышке молодая трава зеленой щетинкой из-под старых листьев пробивается. У самой берлоги цветут подснежники. В деревьях без умолку звенят птицы.

Удивился медведь — решил, что все это произошло за одну ночь. А так как долго думать он не привык, то махнул лапой, сказавши: „Не мое это дело“ — и пошел разыскивать муравейник: очень хотелось ему полакомиться кислыми муравьиными яйцами.

Идет медведь да поет:

Кабы мне бы, медведю,
Да крылья иметь,
Эх, кабы мне бы, медведю,
Выше сосен взлететь...

Вдруг из-за куста выскочил волк и, увидев медведя, попятился.

— Ты что это? — хохотнул медведь. — Испугался, что ли? Иди, иди, не бойся, не трону, давно не виделись. — Присмотрелся медведь к волку, удивился: — Да никак, ты без хвоста?

— Без хвоста, — проскулил волк.

— Волк — и без хвоста! Позор! Ха-ха-ха! — рассмеялся во всю глотку медведь. — А ну, расскажи, кто это тебя так изуродовал.

— Зимой это было...

— Какой такой зимой? — удивился медведь. — Знать не знаю никакой зимы.

„Как-нибудь выгонят тебя охотники из берлоги, тогда узнаешь, что такое зима“, — усмехнулся про себя волк. Сказать-то медведю он этого не посмел.

— Кабы не было зимы! — вздохнул волк.

— Вот и лиса тоже мне говорила, что есть какая-то зима. Расскажи толком, как эта зима приходит и что делается в это время в лесу.

— Когда перелетные птицы улетят в теплые края, — начал рассказывать волк, — когда опустеют поля и коров и овец перестанут выгонять на пастбища, когда наступят короткие холодные дни, — в воздухе появляются белые мухи.

— Кого испугался! — опять захохотал Мишка. — Белых мух! Пчелы начнут жалить — вот это напасть, — бежишь, свету белого не взвидишь.

— Нет, они не злые, — объяснил волк, — они холодные. Они даже не живые — снегом их называют. А потом мороз приходит, поначалу легкий, от которого небольшие

лужи покрываются прозрачным тонким льдом да еще краснее становится калина и брусника.

— Это-то я знаю, — буркнул медведь, — в это время я еще не сплю.

— Ну, а чуть позже ударит мороз покрепче и заморозит землю, реки и озера. В это время переплывать через реки не надо — бежишь по льду, как по земле, не провалишься. А мороз все сильнее и сильнее, и снегу столько навалит, что ходить невозможно. Трудно в это время волку, есть хочется, а есть нечего. Вот и бегаешь целыми ночами по полям и лесам. Ночь бегаешь, а день лежишь, мерзнешь, хвостом укрывши нос.

— Как же ты теперь без хвоста?

— Сам не знаю, что буду делать, когда зима придет.

— Ну, а где ж ты, бестолковый, хвоста-то своего лишился?

— Я уже говорил, зимой это было. Стоял сильный мороз. Снег глубокий-глубокий. На день я забрался в лесной овраг. Да разве спрячешься как следует! Горе одно! Как ни прячься, а след на снегу остается. По следу и нашел меня охотник. Я бежать, он выстрелил и оторвал мне дробью хвост. Вот теперь и хожу я без хвоста, как заяц косоглазый. Срамota, да и только.

— Трудно тебе зимой, что и говорить, — пожалел волка медведь. — Вот она, значит, какая зима! А для меня зима — одна ночь. Завалюсь в октябре спать, а проснусь в апреле. Ни тебе мороза, ни тебе снега. Ну ладно, бесхвостый, иди своей дорогой.

Волк стыдливо затрусил по лесной тропинке, а медведь не спеша пошел искать муравейник, напевая свою любимую песенку:

Эх, кабы мне бы, медведю,
Да крылья иметь...

Вот и вся сказка. Вылезай-ка, Игнатенок-медвежонок, из берлоги да потопаем, нам еще идти и идти.

К вечеру дед Макар с Игнаткой пришли на речку Широкою.

— Такая узенькая Широкая? — удивился Игнатка.

— Да, неширока наша Широкая: ежели разбежаться, то и перепрыгнуть можно, — ухмыльнулся дед.

— А почему она называется Широкой?

— Широкой зовется потому, что она шире других речек, которые протекают через наш лес. К примеру, Хоревку ты перешагнуть можешь, Новую — я перешагну, ежели поднатужусь, ну, а тут, гляди, разве что с разбегу...

— И с разбегу не перепрыгнешь, — вздохнул Игнатка. — А черемухи-то здесь сколько!

— Ты, внучок, пройдишь вон туда, по бережку, там должно быть много черной смородины, собирай-ка к чаю, да не бойся, возьми с собой Соболя. А я тем временем костер разожгу...

Хорошо горит сухой сосновый валежник, освещая вход в односкатный охотничий шалаш. Перед шалашом в темноте что-то свое лепечет речка. Соболя жметя ближе к

костру, спасаясь от назойливых комаров. Дед с внуком пьют чай с черной смородиной.

— А когда ты, дедушка, один здесь живешь, тебе не страшно? — спрашивает Игнатка.

— Кого бояться-то? Здесь бояться некого. Правда, когда филин ночью кричит, то как-то не по себе становится. И чудно: знаешь, что это птица, а не по себе, да и только. Ну, это не часто бывает.

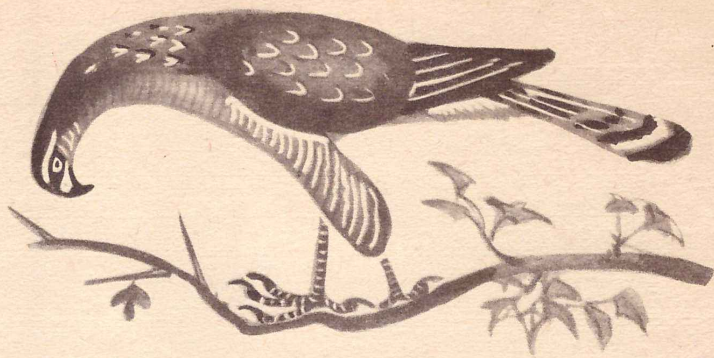
Неуклюже шарахаясь крылами о ветви деревьев, над головами пролетела какая-то птица. Игнатка вздрогнул и выронил из рук кружку с чаем.

— Это сова, — спокойно заметил дед, — налетела на свет и ослепла. Занятная птица: ночью видит, а днем нет. Да еще красавицей себя считает, а ведь и на птицу-то мало похожа.

— Дедушка, а ты вчера хотел рассказать мне сказку про сову. Расскажи.

— Про сову и ястреба, — поправил дед. — Изволь, хорошо, что к делу пришлось.

СОВА И ЯСТРЕБ

В лесу, недалеко друг от друга, жили ястреб и сова. Ястреб хорошо видел днем, но не видел ночью. Сова наоборот — хорошо видела ночью, но зато плохо видела днем. Ястреб охотился за добычей днем, сова — больше ночью.

Летит ястреб по лесу, увидит сову и кричит: „Эй ты, слепая кикимора, гляди, а то мыши хвост тебе отгрызут!“ Или подлетит и дернет ее за крыло или за хвост. Сова сердится, крутит своей кошачьей головой, шипит, щелкает клювом и еще крепче прижимается к стволу дерева.

Но и сова не оставалась в долгу у ястреба. Настанет ночь, полетит сова за добычей, увидит ястреба и будто ненароком так толкнет его, что он кубарем свалится с дерева и потом долго в темноте взбирается на свое место, а то и до утра просидит в траве.

И вот как-то однажды ястреб украл птенцов у сороки. Потом пропали птенцы у лесного голубя. И в этом преступлении был заподозрен ястреб.

Испугалась сова за своих детей и полетела к ястребу.

— Братец, — говорит, — я знаю, это ты крадешь птенцов, ну и кради, мне их не жалко, только не трогай моих.

— Ладно, — отвечает ястреб, — твоих детей не трону, но как же я смогу отличить их от других птенцов?

— Ах, братец, братец, это очень просто, ведь мои дети самые красивые.

А через несколько дней и у совы пропали детеныши. Бросилась сова к ястребу. Плачет, клюет его.

— Не виноват я, сестрица! — кричит ястреб. — Я вчера взял в чьем-то гнезде самых некрасивых, самых страшных птенцов. Вот посмотри, один еще валяется.

Глянула сова и закричала на весь лес. С тех пор она никогда днем не покидает своего гнезда.

— Дедушка, а и вправду у совы некрасивые дети?

— Хуже не видывал, особенно в ту пору, когда еще пером не обросли, — смотреть на них тошно.

За речкой, в болоте, бухнула выпь раз и другой: „Бух, бух“.

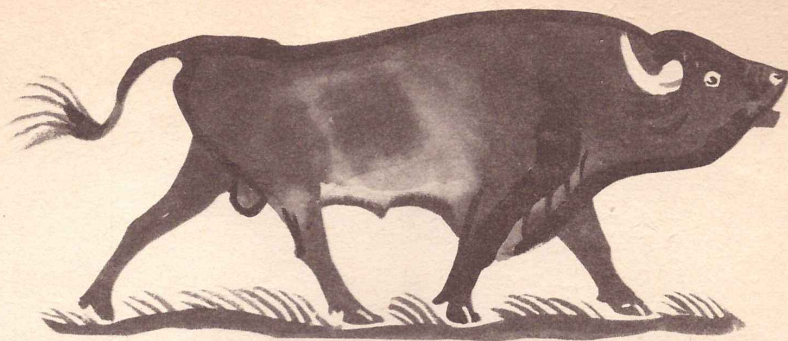
— А это кто? — дрожащим голосом спросил Игнатка.

— Это выпь, или, как ее еще зовут, водяной бык. Ох, и не люблю я эту птицу!

— А почему птицу называют водяным быком? Разве она похожа на быка?

— Нет, Игнатка, на быка она не похожа, она похожа на цаплю. Завтра я тебе ее покажу. А водяным быком выпь прозвали за голосище. Вот слушай, что про нее рассказывают.

ВЫПЬ

Надоело выпы одной на болоте жить. Увидела она как-то быка и говорит ему: „Бык, а бык, давай жить вместе“. Поглядел бык на выпь, промычал насмешливо: „Вот когда ты научишься кричать, как я, так, чтобы на всю округу было слышно, тогда и станем вместе жить“.

С тех пор учится выпь кричать по-бычьему. За это ее и прозвали водяным быком.

— Дедушка, расскажи еще что-нибудь, — просит Игнатка.

— Погоди маленько. Вот подумаю, вспомню и расскажу.

— Дедушка, а про все, про все сказки есть?

— Может быть, и есть, но я-то про все не знаю.

— А про иван-чай тоже есть сказка?

— Про иван-чай? Есть. И про плакун-траву есть... По-корми-ка Соболя, а потом я тебе про иван-чай да болиголов сказку расскажу.

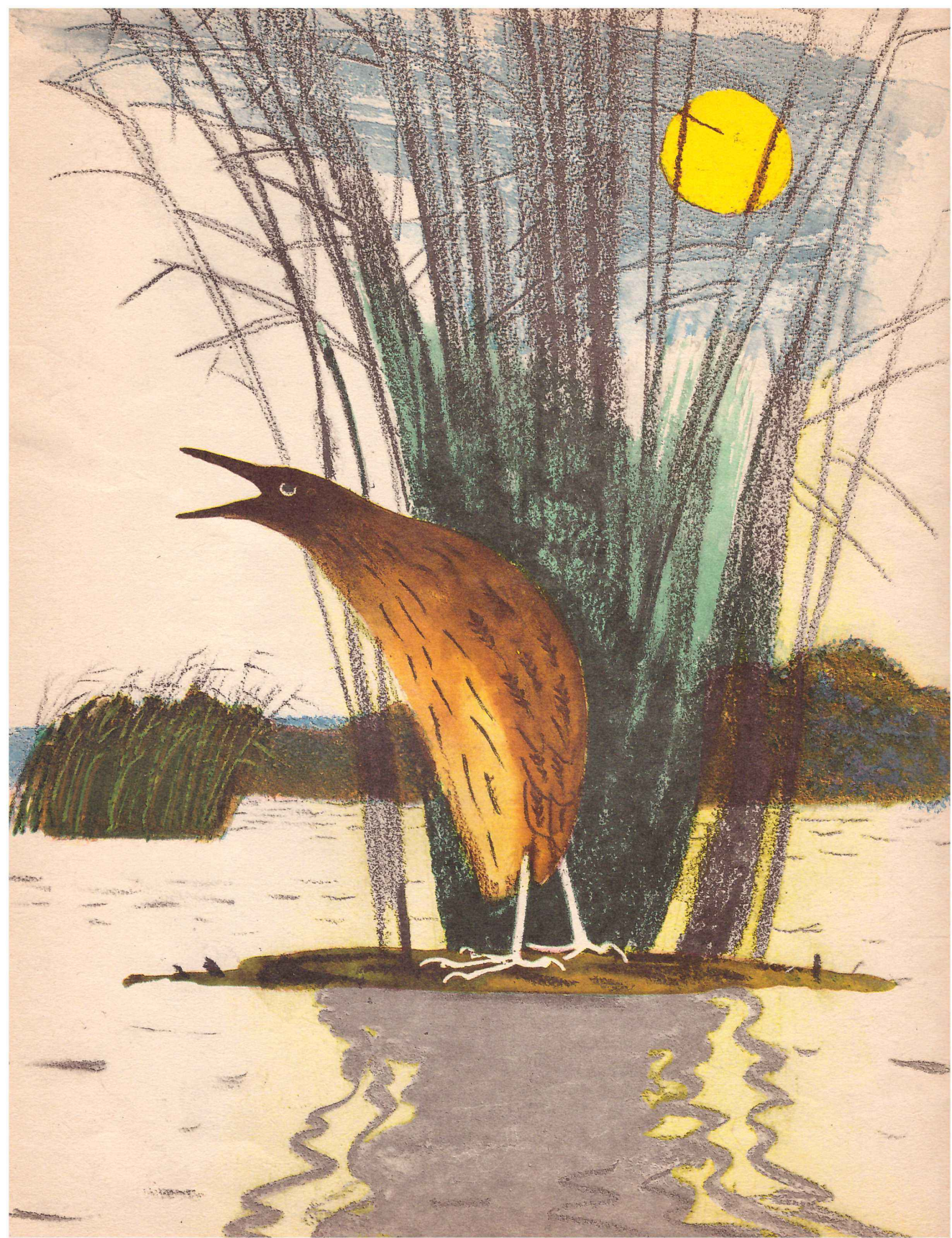
Игнатка накормил Соболя, подошел к берегу освещенной костром речки и сорвал белый цветок на ветвистом бороздчатом стебле, покрытом красными пятнами.

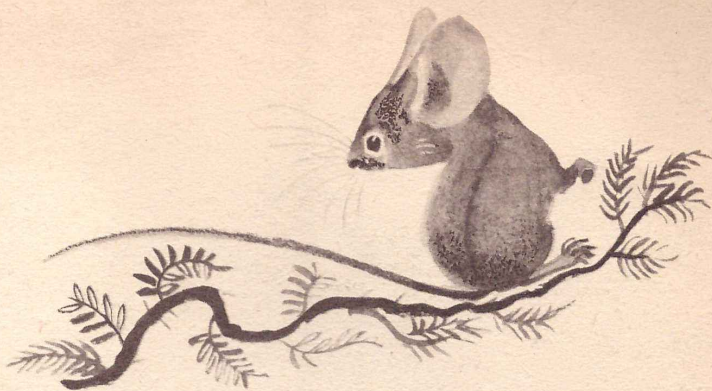
— Дедушка, что это за цветок? Как он нехорошо пахнет.

— Ты попробуй разотри листок его между пальцами.

Игнатка растер перистый лист, и неприятный мышиный запах распространился у костра.

— Это и есть болиголов, — сказал дед. — Брось-ка его подальше да вымой руки. Дурная трава, не в пример иван-чаю.

ИВАН-ЧАЙ И БОЛИГОЛОВ

Иван-чай добрый и ласковый. Распустит он свои розовые цветки утром и весь день приветливо качается на ветру. Прилетят пчелы, попросят у иван-чая меду, — иван-чай кивнет им: „Пожалуйста, пчелки, берите сколько хотите“.

Придет больной человек, нарвет листьев иван-чая, попьет горячего отвару и поправится. А иван-чай новые листья выпустит. Прилетят птицы, поклюют семечек и спасибо скажут иван-чаю.

Болиголов гордый и заносчивый. Все ему не так, все не по нему, все ему мешают. Упадет капля дождя на его белый цветок — болиголов сердится, ругается. Солнце пригреет — ему жарко, скроется солнце за тучи — ему холодно. Злится болиголов и днем и ночью. От этой злости в корнях его, в стебле, листьях, цветах и даже в семечках скопилось много яду.

Поклевала птичка-синичка семечек болиголова, и у нее разболелась голова. Погрыз крот корни болиголова — зачах и умер. Поел зайчик листьев болиголова — закружилась у зайчишки голова, и он как пьяный ходил по лесу три дня и три ночи.

Собрались птицы, звери. Что делать? Как быть?

— Не от моих семечек у синички разболелась голова, а от семечек иван-чая, не от моих корней умер крот, а от корней иван-чая, не от моих листьев очумел заяц, а от листьев иван-чая, — твердит болиголов.

Еще больше рассердились звери и птицы на болиголова за эти лживые слова. Медведь зарычал, затопал ногами, заяц закричал, сорока застрекотала, да так, что по всему лесу слышно было. А мышка-лесушка подбежала к болиголову — да как плюнет на него! Вот с тех пор болиголов и пахнет мышами.

— И никто, никто эту траву не ест?

— Ну, а кто же будет есть, коли она ядовитая и мышами пахнет!

Игнатка подошел к речке и еще раз вымыл руки в холодной лесной воде.

За речкой в болоте опять бухнула выпь раз и другой: „Бух, бух“. А с темного неба упала яркая звездочка, туда, где кричала птица.

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Михаил Никанорович
Фарутин

В ЛЕСНОЙ ИЗБУШКЕ

Редактор К. К. Покровская
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор И. И. Капитонова
Корректор Л. М. Логунова

Сд. в наб. 13/1-75 г. Подп. к печ. 26/III-75 г.
Форм. бум. 60 X 90 1/8. Физ. п. л. 4,0. Уч.-изд.
л. 3,65. Изд. инд. ЛД-28. Тираж 150 000 экз.
Цена 27 коп. Бум. № 2. Офсет. Заказ № 711.

Ф 70802—261 76 — без объявления
М—105(03)76

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Фабрика офсетной печати № 2
Росглавополиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, г. Дмитров
Московской области, Московская, 3.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

